

4
1963

Искажатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В четвертом Всесоюзном совещании молодых писателей, которое проводилось в Москве ЦК ВЛКСМ и Союзом советских писателей, участвовали литераторы, работающие в жанре научной фантастики.

Сегодня в «Искателе» публикует новый рассказ и делится своими планами участник совещания
ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

Пространство было бесконечно. Не пустота, каким оно когда-то представлялось, но пространство, кипящее густками, разрежениями и завихрениями полей. Пространство, незримо изгибающееся вблизи звезд и облегченно распрямляющееся вдалеке от них, оно было бесконечно, и корабль затерялся в нем легче, чем теряется капля в океане.

Корабль был мал. Вытянутый и легкий, окрыленный выброшенными далеко в стороны кружевными конструкциями, он вспархивал — серебристая летучая рыба — над грозны-

ми валами гравитационных штормов, способных раздавить его, швырнув на невидимые рифы запретных ускорений; он тормозился и разгонялся вновь, он окутывался облаком защитных полей — и уходил, ускользал, увертывался — и вновь продолжал свой путь, и его кристаллическая чешуя тускло отблескивала в рассеянном свете галактического пространства.

Впрочем, пространство нередко бывало спокойным. Внутри же корабля спокойствие царило всегда. Даже когда корабль пробивался сквозь рукав субгалактического гамма-течения и в блестящих артериях автоматов колотились стремительные токи, в рубке, салоне и каюте было тихо и уютно, желтые и зеленые стены отбрасывали мягкий свет, а матовый потолок и белый пол излучали такое веселое спокойствие, какое излучают лишь белые предметы. Автоматы скрывались где-то в недрах корабля, и лихорадочная спешка киберустройства не замечалась — так же, как не замечается упоенный разгул взрывов в камерах мотора.

И совсем уже спокойны были люди, два человека на борту; один — потому, что далеко не представлял всего, чем угрожал космос, а другой — потому, что очень хорошо представлял все; истинное же спокойствие дается только этими полюсами знания.

Было спокойно и было тихо — ровная мелодия

Работа моя в области фантастики (это звучит очень громко, на самом деле я пока написал немного) тесно связана с «Искателем». В нем была напечатана первая моя фантастическая повесть — «Особая необходимость». Ее действие происходит почти в наши дни, лет через двадцать — двадцать пять. После окончания повести мне захотелось обратиться к временам более отдаленным, скажем, к концу XXI столетия. Много изменится через сто лет, но таким же останется стремление людей к познанию, к установлению новых истин. Всего лишь одному эпизоду такого поиска нового посвящен рассказ «Черные Журавли Вселенной».

А потом, дальше? Чем дальше, тем больше неизвестного, а работа фантаста, думается, тоже поиск.

В. Винонов

приборов уже не воспринималась более как шум и становилась слышной лишь в моменты изменения режимов. Тихо было и потому, что люди разговаривали редко. Разговоры могли надолго прерваться на полужразе и возобновиться с полужразы.

— А все-таки они не заменят земных, — сказал младший. Он пристроился на откидном креслице у фильмотеки.

Старший промолчал. Он умел молчать; это постигалось не сразу, как не сразу постигалось и то, что Кленов — старик: глаза его были зорки, кожа лица гладка, а движения и слова точны и сильны. Лишь приглядевшись, можно было заметить, что веки его иногда выдают усталость, да слова, случалось, переходили в ворчанье.

Так постигалось, что это старик. Но тогда переставало вериться, что это тот самый Кленов, человек с такой земной фамилией, оставивший следы в пространстве, учебниках и легендах. Старейший, как его почтительно называли звездолетчики.

В первые дни молчания оставалось только вспоминать обрывки этих легенд. Это был человек, еще в юности, с земного, закрытого ныне Памирского космодрома, ушедший в первое свое путешествие и с тех пор не возвращавшийся из него. Не возвращавшийся потому, что во время месячных и даже годичных перерывов в полетах он все равно, как говорили, жил мыслью в космических исследованиях и на Земле ему, наверное, снились звездные сны.

Кленов был испытателем. Если еще в старину испытатели самолетов были инженерами, то испытатель звездолета был пилотом и ученым — уходящая, почти ушедшая когорта людей, часто в одиночку улетающих на все более стремительных кораблях, в одиночку — потому, что можно было riskовать множеством автоматов, но не людей.

Они улетали чаще всего в одиночку и возвращались, а иногда не возвращались... Кленов возвращался всегда, и два раза — не в одиночку; спасенным испытателям он отдавал свою каюту, но подходить к пультам им не разрешал. Каждый раз он привозил все больше наблюдений и сведений — в памяти своей и электронной, в записях фоно- и видеокатушек. И он привозил все меньше слов, как будто отдавал их пространству в обмен на знание.

Теперь он был последним из той плеяды, остальные жили на Земле. Задача электронного моделирования Пространства со всеми его неожиданностями была решена при активной помощи Кленова, и корабли можно было полностью испытывать еще в процессе разработки. Но, оставаясь испытателем, Старейший стал не просто ученым, а очень большим ученым, специалистом по пространству. И он единственный по-прежнему летал один на корабле, последнем из испытанных им, и испытывал если не корабли, то такие устройства, которые еще нельзя было промоделировать. На этот раз — новые дельта-генераторы.

Но таким он был в легендах, а на корабле был просто старик, который слышал, когда к нему обращались, лишь если хотел слышать, а если не хотел, то преспокойно мол-

чал и даже не переспрашивал. А это не самая лучшая форма беседы.

— Все-таки они не заменят земных, — повторил младший громче.

Старший поднял сухое лицо от экрана. Его взгляд прошелся привычным путем — от замысловатых, по последней моде, сандалий по светлому спортивному костюму, по покрытому густым, еще земным загаром лицу и каштановым волосам и в конце концов остановился на голубых глазах, в которых, кажется, светился интерес.

— Вам бы все земное... Не заменят так же, как новые друзья не заменят старых, — наконец ответил Кленов. — Но они нужны. Старые друзья уходят, все равно — люди они, или корабли, или гипотезы. В моем возрасте можно однажды проснуться — и не узнать мира. А к чему это вы — о земных журавлях?

— О тех, других, можете сказать только вы, — последовал ответ. — Хотя это и странно. Все-таки в ваши годы...

— Годы — ерунда, вздор, — с удовольствием сказал старик. — Забудьте это понятие, уважаемый... М-м...

— Игорь, — проговорил молодой.

— Уважаемый Игорь. Люди умирают от разочарований, а не от возраста. Ставьте себе меньше целей — и у возраста не будет власти над вами.

Он искоса взглянул на собеседника и усмехнулся, заметив его удивленное лицо.

— Я сказал: «меньше целей», а не «меньшие цели». Чем меньше целей, тем меньше разбросанности, тем меньше разочарований. Но и одна цель может быть достойна десяти жизней. А впрочем, к чему это я?..

Он строго посмотрел на экран. И умолк.

Игорь подождал и сказал:

— Я, пожалуй, пройдусь...

Он вернулся через полчаса. Кленов все так же сидел, склонившись к экрану. Терпение — вот что осталось ему от прошлого. Сидит. Смотрит. Это о нем рассказывали легенды. Годы...

Старик обернулся на едва уловимый звук шагов. На лице его было изумление: он опять с непривычки забыл, что их двое.

— Ага, это вы, — объяснил он скорее сам себе. — Что нового?

Оба они знали, что ничего нового не могло быть.

— Они чувствуют себя отлично. И прекрасно наблюдают. Просто замечательно.

— Ах, эти ваши... эта микрофлора? Ну, ну...

— Скажите, Старейший, — спросил Игорь, — у меня микрофлора. А ваша цель?

Кленов не ответил. Он как будто не слышал вопроса. Его глаза были по-прежнему устремлены на экран, и ответ экрана лежал на сухом и гордом лице старика.

— Но ведь ради чего-то вы теряете время перед этим экраном? Программа испытаний закончена, а вы и не думаете тормозиться. В чем дело?

— Что значит — я теряю время? А чем занимались вы? Только не повторяйте, что любовались на вашу микрофлору. Не надо.

— Я сидел в салоне, — сказал Игорь, — и смотрел на телефон. Мне хочется, чтобы кто-нибудь позвонил, а никто не звонит и не назначает мне свидания. Почему вы не позвонили?

— Не было надобности, — сказал Кленов. — А телефон в салоне существует для того, чтобы я мог отсюда связываться с решающим устройством.

— Но ведь вы и двух раз не были в салоне.

— Не был, — согласился Кленов. — Но могу быть, и этого достаточно.

— А вы теряете время у экрана. Ведь появились что-нибудь, автоматы сами...

— Все равно. Я могу их опередить. А времени у меня достаточно. Это у молодых его не хватает. Они хотят успеть везде. У меня — одна цель...

Игорь опустился на пол. На Земле теперь все чаще сидели прямо на полу. Старик покосился и уселся в кресле еще прямее. Он сидел, как на приеме, и его рабочий комбинезон казался изысканным, как вечерний костюм.

— Все-таки о цели. Еще какие-нибудь испытания? Или открытия? Эти Журавли. Вы о них несколько раз упоминали... Кто они? Расскажите о них. Это из-за Журавлей мы не возвращаемся?

Старейший оторвался от экрана.

— Я мог бы кое-что рассказать. Но вам это просто так — любопытно... Да и рассказывать я, право же, разучился. И вообще не стоит. А что касается Журавлей... Я же говорил, что старые друзья уходят. И мало того — они еще оставляют нерешенные задачи. Это в лучшем случае. А то еще они выдвигают их, уходя.

— Я начинаю понимать, — сказал Игорь.

— Да?

— Я вспоминаю...

— Этого вы сделать не в состоянии. Вас тогда еще не было на свете. И вы же кончали не Московский Звездный...

— Но мне рассказывали... Да, там было что-то связанное с аварией корабля.

— Что-то! — сказал Кленов. — Такие вещи надо знать во всех деталях. Это — опыт. Что-то!..

— Я ведь не космонавт.

— Знаю.

— Ну, разве это так важно? Знать надо основное, а детали... Это же было так давно. Ну, авария... Конечно, я понимаю... У вас там был кто-то, да?

— Кто-то — это слишком просто сказано, — ответил Кленов. — У меня там был друг. Тогда в пространстве нельзя было без друзей...

— А сейчас разве...

— Сейчас ваш друг может жить на Земле — все равно вы с ним не будете разлучаться: видите, слышите его. А потом, вас в пространстве охраняет могучая защита, сде-

лавшая корабли практически неуязвимыми. А тогда друзья нужны были здесь, рядом. Мощностъ полей дружбы компенсировала слабость защитного поля. Вот почему тогда и возник метод парного испытанія. На испытаніе уходили сразу два корабля.

— Я вспоминаю, — повторил Игорь. — Вы же были там...

— Я был там, — сказал старик.

— На «Согдиане»...

— Вы опять перепутали. Я испытывал «Джордано». Теперь это уже седая старина, — он провел рукой по коротким волосам, — корабль класса «Бета-0,5». Мы дошли до Эвридики и шли обратно. Что?

— Вы говорили относительно дружбы, — с легкой обидой сказал Игорь. — Но и теперь, случается, гибнут друзья — пусть и не рядом с вами. Вспомните Коринтеру. На ней погиб не один и не два человека. Вот если бы вы тогда задались целью!

— Да, мы еще не можем предугадывать вспышки Новых, — ответил Кленов. — Но когда-нибудь научатся и этому. Впрочем, это редкое явление.

— Но тот случай тоже был редким явлением.

— Редким? Ну да, конечно, корабли и тогда погибали не так уж часто. Это он был на «Согдиане», мой товарищ. «Согдиана» обладала более сильными двигателями...

* * *

«Согдиана» обладала более сильными двигателями и надежной защитой. Она могла ускоряться быстрее и вскоре опередила «Джордано».

В день, когда расстояние между кораблями достигло десяти астрономических единиц и связь должна была прерваться, пилота «Джордано», как и обычно в таких случаях, охватила грусть. В космосе всегда грустно, когда прерывается связь, даже не навсегда.

На ушедший вперед корабль был послан традиционный привет и пожелание чистого пространства. Ответ должен был прийти через шесть с лишним часов. Однако уже через полчаса был принят сигнал бедствия.

Испытатель «Джордано» увеличил скорость до предела, не переставая посылать в пространство вызовы. Из сообщений пилота «Согдианы» можно было понять, что случилось самое страшное — вышли из-под контроля и начали терять мощность генераторы дельта-поля. АВ в контейнерах «Согдианы» изолировалось дельта-полем, это было новинкой; до тех пор везде пользовались для этой цели лишь магнитным полем. И вот теперь корабль затормаживался на пределе, чтобы встретить помощь.

«Джордано» настиг товарища через десять часов — как раз вовремя, чтобы с безопасной дистанции увидеть, как темное тело звездолета внезапно превратилось в яркую звезду.

— Вам случалось наблюдать аннигиляционный взрыв в пространстве? — спросил Старейший. — Нет? И не надо. Это невесело — особенно, если взрывается корабль, а на корабле летела... летел ваш друг. Это было нестерпимое голубое сияние. Оно продолжалось всего лишь долю секунды: от чрезмерной нагрузки выключились предохранители видеоприемников. Но и за эту долю секунды я успел ослепнуть, глаза мои наполнились слезами. Впрочем, это не только от света...

Игорь кивнул.

— Надо было заранее включить фильтры видеоприемников, — обронил он.

— Конечно, заранее, — пробормотал Кленов и умолк.

Он снова погрузился в изучение пустого экрана, по временам слегка трогал рукоятки настройки. Игорь вздохнул и вышел из рубки. Белый широкий коридор — не коридор, а зал для прогулок — вел мимо кают, которых, в сущности, не было: за их тонкими переборками стояли только могучие генераторы дельта-поля. Это из-за них он потратил столько усилий, чтобы попасть именно на корабль Кленова. Старейшего. Дело стоит того. Самые сильные на Земле дельта-генераторы. А старик опять замолчал. Надолго, наверное... Когда-то и он неустанно искал новое — и находил. Чем бы заняться до очередного включения генераторов?

Игорь взял в каюте две ракетки и вернулся в рубку через салон. Телефон в салоне молчал. Старомодный телефон, без экрана. Старик привик к такому.

В рубке старик сидел в кресле. Он напевал что-то старинное. Пел он плохо, голос его хрипел, но, наверное, ему нравилось слышать себя. Игорь шумно защелкнул дверь — Кленов не обернулся. Экран освещал его лоб, рассеченный поперечной морщиной, старомодный воротничок в вырезе комбинезона, гладко выбритые щеки. Игорь вспомнил, что еще не успел подстричься. Собственно, он не очень-то хорошо разбирался в настройке бытового комбайна, да комбайн, наверное, и не умел стричь, как принято теперь.

— Старейший, в коридоре можно чудесно сыграть в теннис. Пойдемте, а? На Земле я играл каждый вечер.

Старик не удостоил его ответом, только изумленно поднял брови. Молодой вздохнул, уселся на стульчик у фильмотеки и медленно придвинул к себе каталог.

— Надо уметь ждать, — внезапно заговорил Кленов. — Вот я умею ждать. Что вы знаете о Журавлях Вселенной? Ничего? Да, ничего, но гораздо больше, чем знал в то время кто-нибудь из нас, ибо вы знаете, что они существуют, мы же этого не знали.

«Согдиана» превратилась в излучение. Это был не первый случай взрыва корабля в пространстве, но единственный, когда кому-то удалось наблюдать такой взрыв. Причины взрывов были неизвестны — ведь и тогда уже не бывало случаев, чтобы механизмы отказывали в работе. Вспомните — ах, да, вы не можете этого помнить, но я мо-

гу, — что полеты к иным системам были разрешены только тогда, когда первая проблема звездоплавания была решена.

— Скорость, — вставил Игорь. Он не мог удержаться, чтобы не вставить слово.

— Почему скорость? Это сейчас, а я говорю о том, что было тогда. Тогда первой проблемой называли проблему абсолютной надежности. Так вот, ученые предположили наличие в пространстве локальных полей неизвестного происхождения, которые своим воздействием парализовали работу защитных полей двигателей и контейнеров с АВ — антивеществом. А после «Согдианы» стало ясно, что это — дельта-поле.

— Это была ваша гипотеза... — сказал Игорь.

— Молодежь так часто путает меня с моими собратьями. Сочиняют легенды. Тогда я не был настоящим ученым. Я только испытывал «Джордано». А эта гипотеза в общем виде возникла еще раньше. Одним словом, когда глаза мои снова смогли воспринимать что-либо, смотреть было уже не на что. И вот тогда я увидел их.

Вы видели, как летят журавли? Клином, не так ли? Впрочем, вы могли этого и не видеть, ведь журавлей на Земле сейчас мало — болот нет. Давеча вы сказали про журавлей просто так, для красного словца. Так вот, журавли летят клином. И я увидел на экранах клин.

Старик умолк. Земные журавли — осенняя прозрачная желтизна, седые от заморозков луга и крылатый клин в высоте, каждый раз уносящий с собою что-то большое — год жизни. Земля нашей юности, Земля, которой больше нет, но которая все приходит и приходит в снах и сжимает грудь сладкой тоской. Странно: не только вся маленькая Земля известна тебе — поездил, изъездил всю, и в пространстве ты давно — дома, и на другие планеты ступала нога, но родиной остается маленький клочок Земли, Земли нашей юности, и родными — земные журавли в небе...

— Да, многие птицы летят клином, — сказал Игорь. — Это описано уже очень давно. Итак, вы увидели на экранах клин...

— Собственно, это было несколько не так, — уточнил Старейший. — Я не увидел ничего, заметил только, что вдруг исчезли некоторые звезды. Потом они появились опять. Чем было вызвано это затмение, я не знал. Но, честное слово, мне показалось, что само пространство в месте взрыва разорвалось на клочки и теперь медленно склеивалось. Скажу откровенно, я не удивился бы, если бы это оказалось действительно так, хотя сама мысль о том, что пространство может рваться, была нелепа. Я не удивился бы потому, что почувствовал: это было прикосновение к чему-то новому, неизвестному, таинственному... Знаете, бывает такое ощущение... Хотя вы, наверное, не знаете.

— Я знаю, — проговорил Игорь. — Я знаю...

Он знал. Стоит тебе зайти в лабораторию любого из твоих друзей, знакомых или незнакомых, и по возбужденным лицам, по счастливым глазам, видящим что-то, чего не видят другие, ты понимаешь: они прикоснулись к неизвестному.

Земля — тебе знакома еще такая малая часть ее, но она видится тебе вся, Земля с ее возможностью уйти в работу без отдыха и отдыхать, работая, и каждый день кончиками пальцев хоть чуточку касаться будущего и всем телом чувствовать его полет, — Земля моего будущего, я знаю...

— Ну, допустим, вы знаете. Но это и все, что я увидел. Ни через видеоприемники, ни в инфракрасном диапазоне я не смог увидеть ничего, кроме этого кратковременного, почти мгновенного затемнения некоторых звезд. Потом я снова запустил двигатели, обошел весь район катастрофы и, ничего не обнаружив, направился домой. И только там, обрабатывая записи дельтаавизоров, на которые в полете я не обратил внимания потому, что, по моим соображениям, они никак не могли мне помочь в данном случае, — обрабатывая их записи, я рассмотрел Журавлей.

Это были широкие черные полотнища — абсолютно черные, они, очевидно, поглощали всю энергию, падавшую на них, и поэтому видеть их было нельзя: они ничего не отражали, ни кванта. Только дельтаавизоры увидели их; возможно, они испускают дельта-кванты.

Абсолютно черными были они, и как бы двухмерными — казалось, они совсем не обладали толщиной. Площадь каждого из них была десятки, а может быть, и сотни квадратных метров, а может быть, и тысячи — точнее определить дельтаавизоры не смогли, не дали даже порядка величины. И они летели клином; впрочем, может быть, конусом, но дельтаавизоры тогда не давали стереоизображения. По их записям мы на Земле сделали фильм. Мы — я и товарищи по Московскому Звездному — смотрели его множество раз, пытаюсь понять, что же такое эти полотнища, застилавшие звезды. Удалось определить их скорость; оказалось, что они летели с ускорением. Установили и направление их полета, но, поскольку скорость была переменной, орбиту вычислить не удалось. Это было всё.

Вот так мы впервые встретились с Черными Журавлями Вселенной. Так их тогда называли — за цвет и за клинообразный строй. Они летели, как живые. Да, ведь вы никогда не видели живых...

Кленов замолчал. Игорь ждал, не решаясь нарушить это молчание: ему хотелось, чтобы старик рассказывал дальше, и он понимал, что одно не к месту сказанное им слово заставит снова надолго уйти в молчание Старейшего, уже давно доказавшего, что он умеет молчать.

— Это и была загадка, оставленная другом, — сказал Кленов, и в его голосе неожиданно прозвучала ирония — наверное, она относилась к собственной, несколько непонятной словоохотливости, а может быть, просто служила средством для того, чтобы не расчувствоваться. — Загадка гибели, как говорили когда-то. Было создано много теорий, высказана куча гипотез... Бесспорным было одно: именно они, Журавли, и были убийцами.

— Разве они?..

— Да нет... Ну, я не точно выразился... Конечно, не они; убийцей в большинстве таких случаев бывает наше собствен-

ное незнание законов природы. Но человек не может обвинять себя в том, что он чего-то еще не знает: если бы он делал это, человечество вечно было бы виноватым. Ведь и жизнь и смерть в конце концов — тоже во многом научные проблемы.

— Биология... — начал было Игорь, но Кленов перебил:

— Как бы там ни было, именно дельта-поле, которое излучали Журавли, приводило — это удалось доказать неопровержимо — к тому, что генераторы выходили из-под контроля. Журавли были убийцами — как молния, сжигающая дом с людьми. Это — не земные журавли, которых вы не видели.

— Видел, — сказал молодой. — Я ведь биолог.

— Да... Биология — широкая наука. Кстати, до конца я так и не понял, зачем вы, биолог, отправились в пространство со мною на этом корабле?

— По ряду соображений, — помолчав, ответил собеседник. — А вы уверены, что ваши теперешние дельта-генераторы не подвели бы, если бы произошла встреча с Журавлями?

— Эти не подведут, не бойтесь. А вообще-то вам надо бы лететь на планеты, где есть работа по вашей части, а не сидеть в кабине с таким старым отшельником, как я. Если только вы биолог, а не психиатр или что-нибудь в этом роде (молодой затряс головой, Кленов ухмыльнулся). Я спрашиваю не из простого любопытства, мне нужно знать это перед тем, как я расскажу вам еще кое-что.

— Я пользуюсь вашими генераторами, — сказал Игорь. — Они — самые мощные, а меня интересует действие столь мощного дельта-излучения на некоторые формы жизни. Это интересно.

— Ага... Ну, что ж, это действительно может быть интересно. Я не спросил у вас об этом раньше. Ну, ничего. Так что вам еще рассказать?

— Еще о Журавлях.

— Вам не стоит интересоваться ими. Если даже они нам встретятся, вам от этого легче не станет. Ведь Журавли, несмотря на название, не живые существа.

— Я понимаю. А что они, по-вашему?

Старик с осуждением покачал головой.

— Есть лишь одна заслуживающая внимания гипотеза. Вам, оказывается, неизвестная... Она предполагает, что эти Журавли — не что иное, как колоссальной мощности сгустки поля. Эти поля обладают такой мощностью, что никакая защита раньше не выдерживала.

— А этот корабль?

— Этот корабль снаряжал я сам. Я, Старейший, как меня называют. Да, меня называют Старейшим, потому что после того случая я решил, что жизнь моя будет посвящена Журавлям: их изучению, и...

— И? — спросил юноша.

Но Кленов молчал, напряженно вглядываясь в белесое сияние экрана.

— А? Нет, показалось... И использованию, вот как. Сознаться, вам пришло в голову что-то совсем другое?

Игорь кивнул. Старейший неожиданно рассмеялся мелким смешком, странно не ввязавшимся с его крупной, моложавой фигурой.

— Нет, временные представления у вас определенно сдвинуты. Признайтесь, ведь я кажусь вам чуть ли не современником Джордано, не корабля, а мыслителя, а?

Юноша снова кивнул, и Кленов опять довольно засмеялся. Потом он сказал:

— Ну, это вздор — к счастью или к сожалению. Нет, мне не приходило в голову мысли о такой мести — об уничтожении. Конечно, будь я современником Джордано... Разумеется, я хотел отплатить за друга. Но единственная месть природе — это познание ее тайн. Единственная, достойная человека. А вы как думаете?

— Так же.

— Ну, вот видите, несмотря на разницу в возрасте... И я прошел через все космические специальности. Я сам сконструировал многое, начиная с пустотного астрандра, который принят теперь на всех кораблях...

— Этот самый? — спросил Игорь, кивнув в сторону коридора.

— Да. И весь этот корабль переоборудован по моему проекту, хотя и на основе типового «Омикрона». А когда я вернусь, я построю еще один корабль. Он будет совсем другим...

— Каким? — спросил биолог, и ему вдруг показалось, что старику еще не время отдыхать на Земле. Впрочем, это мечты...

— Каким — об этом пока рано. Да это и неважно. Важно то, что я испытатель и умею обращаться с кораблями. Вы, без сомнения, слышали, что испытатели отжили свое. Думаете, что старик просто так мотается в пространстве и испытывает дельта-генераторы, чтобы хоть чем-то заниматься. Так? Ну, вот. Теперь и настал момент сказать вам, почему мы не спешим затормозиться и повернуть к нашей Системе.

Испытатели теперь живут на Земле. Так. Но мне еще рано на покой. Основная задача еще не решена. Этот корабль действительно был последним, из испытанных мною. И его оставили мне. Решили, что я имею право на это. Но если вы думаете, что моя работа на этом кончилась, то ошибаетесь: она только началась. Я — охотник за Журавлями, вот кто я теперь. Я ловлю Журавлей, чтобы исследовать их, чтобы понять их сущность и возможности их использования.

Юноша внутренне сжался: так не хотелось ему говорить то, что он должен был сказать. Но он не привык скрывать своих мыслей, если даже это могло обидеть человека и заставить его умолкнуть. И так уж он несколько раз промолчал...

— По-моему, вам все же следовало начать раньше. Время...

Он встал, зная, что сейчас ему придется полчаса погулять по коридору, может быть — сыграть в теннис об стенку. Но Кленов не обиделся, как ни странно.

— Ерунда, — сказал он. — Раньше надо было испытывать корабли. Нас было не так-то уже много, испытателей. А теперь эта задача выполнена, и я могу заниматься своими делами — ловить Журавлей. Так что не взъищите за задержку в пространстве.

— Вы уверены, что их можно?..

— Более чем уверен. Нельзя представить себе ничего такого, чем человек не мог бы овладеть. Если в природе есть вещи, для нас бесполезные, то это объясняется только низким уровнем наших знаний о природе...

— И о нас самих, — вставил юноша.

Старейший искоса взглянул на него.

— Что ж, замечание, не лишнее смысла. А значит, надо ловить Журавлей.

— И много их на вашем счету?

— Пока ни одного, — сухо сказал Кленов. — Однажды... Тогда у меня еще не было этого корабля. Я сконструировал дельта-ловушку и попросил, чтобы ее установили на «Ломоносове», который я должен был тогда испытывать. Я болтался на нем два года, пока мне удалось испробовать на нем все хитроумные пакости пространства, но под конец мне повезло: я наткнулся на Журавлей... Я выбросил ловушку — сгусток поля того же знака. Взаимодействуя с ним, Журавли должны были потерять скорость. И одно из этих полотниц, один из Журавлей действительно угодил в нее. Я кричал от радости. Но напряженность поля в ловушке оказалась слаба. Ему удалось вырваться — вернее, он прошел через ловушку, как сквозь пустоту. Я постарел после этого дня, точнее — в тот момент, когда стало ясно, что они уходят. Они беззвучно скользили мимо корабля — честное слово, в этом было что-то мистическое!.. Запомните, юноша: стареют от разочарований! После этого, вернувшись на Землю, я в перерыве между испытаниями больше года возился с ловушкой, а вернее, с генераторами для ее питания. Теперь они стоят за переборками, вы знаете. Новый вариант ловушки не вписывался в «Ломоносова», и мне пришлось ждать вот этот «Омикрон». Но больше я их не встречал...

— Почему?

— Не повезло... До сих пор это дело везения, пока мы не знаем... — Он нахмурился. — Орбиты их не вычислены, даже при условии, что они обращаются вокруг центра Галактики, как любая звезда, а ведь это наверняка не так: взаимодействуя с другими полями, они подвергаются стольким влияниям, что говорить об орбитах, наверное, вообще нельзя серьезно. И нельзя сказать, где их можно встретить.

«Это так и останется мечтами», — подумал биолог, а старик продолжал говорить:

— При колоссальной скорости — они, как удалось установить, имеют орбитальную скорость выше половины световой — их очень нелегко найти. Хотя с тех пор, как ко-

личество дельта-приборов возросло, мы можем улавливать их поле на значительном расстоянии. Надо только следить за настройкой.

Легкими движениями пальцев он тронул несколько лимбов на панели дельта-комбайна.

— С тех пор их встречали еще пять раз, — после паузы продолжал Старейший. — У меня есть эти ленты, отчеты командиров кораблей. И ничего больше... Ничего, что подтвердило или опровергло бы эту единственную гипотезу, о которой стоит говорить.

— Ах, эту? — сказал Игорь. — Ее автором, помнится, был...

— Все перепутал! Как раз ее автором был я. И остаюсь. Остальные гипотезы — бред.

Юноша смущенно опустил голову. Кленов, насупившись, молчал. Пауза затянулась, и именно сейчас Игорю меньше всего хотелось прервать разговор, и он сказал, просто чтобы что-нибудь сказать:

— Так никаких закономерностей, вы говорите?

— Никаких... Единственно, что любопытно: судя по зафиксированным направлениям, а направления фиксировались во всех случаях, их орбиты должны на каком-то своем участке пролегать поблизости от Новых. Если только это действительно закономерность, а не случайность.

— Постойте! — воскликнул юноша, вскакивая с места. — Но ведь это блестяще подтверждает вашу гипотезу! Такие сгустки энергии и могли возникнуть во время взрыва Новых... Значит, это какое-то до сих пор неизвестное свойство материи — или ее состояния! Что-то вроде уплотненной плазмы, или как там... Ведь если...

Насмешливый блеск глаз старика остановил его. Он сел, забыв до конца закрыть рот и все еще не опуская занесенную руку для решительного жеста руки.

— Мальчик... — сказал Кленов не то с сожалением, не то с иронией. — Милый мой юноша, простая логика — увы! — опровергнет это открытие. Они не делаются так легко...

— Но почему же? Ведь вы сами...

— Ну, я, может быть, снова неточно выразился. Это моя вина. Да, их пути проходят — судя, повторяю, по зафиксированным направлениям — вблизи Новых звезд. А правильное сказать — вблизи тех звезд, которые вскоре после этого взрываются, вот как. Тогда, во время первой встречи, их путь, судя по нашим расчетам, должен был пройти где-то около 73114-0. А до нее оттуда было около трех световых лет. Так что, по вашей теории, она уже минимум за шесть-семь лет до этого должна была стать Новой.

— Но она же и есть Новая! — победно воскликнул Игорь.

— Вижу, вы штудировали астрономию... Да, сейчас. Но она вспыхнула — с поправкой на время прохождения света — через шесть лет и несколько месяцев после катастрофы, а не до нее. То же и в других случаях. Так что, если вы не найдете способа запереть время плотинами и

поворачивать его вспять, вам придется отказаться от вашего предположения.

— А как ваша гипотеза объясняет этот строй — клином?

— Никак, — угрюмо ответил Старейший. — Она не объясняет ни этого, ни еще многих других фактов. Но и никакая другая гипотеза не в состоянии их объяснить. А впрочем... — Он странно усмехнулся и взглянул в глаза юноше. — А впрочем, объяснения возникают из фактов. А факты собираю я. И это только вопрос терпения. Той самой потери времени...

— Но вы летите наугад.

— На этот раз — нет. На этот раз мы их найдем. Я получил сигнал от патрульного корабля. Поэтому я и вылетел так быстро...

Он хотел добавить: «И тут вы в последний момент стали пассажиром», — но решил, что говорить этого не стоит. Мальчик был неплохой. Конечно, мальчик многого не знал, но... Было время, когда он и сам не знал и не умел очень многого — даже обращаться с пустынным астрондром, да... А мальчики вырастают... Вообще стоило отнестись к нему помягче: они уже сколько времени вдвоем, а сам он — Кленов сознавал это — не очень-то приятный собеседник: возраст да и привычка к одиночеству...

Он взглянул на юношу и улыбнулся неожиданно мягкой и ласковой улыбкой, так что мальчик подумал, что старик этот даже лучше, чем представлялось, — это так и прочиталось на его лице. И Старейший еще не успел обрадоваться этому, как пронзительный звон дельтавизора и световое табло, внезапно вспыхнувшее и замигавшее, заставили его забыть о мальчике и обо всем на свете.

— Они! — крикнул он ликующе, глядя на белый экран, на котором возникла черная точка. — Они! Расстояние — пять единиц... Ага!..

По привычке он продолжал кричать еще что-то неразборчивое, что шло скорее от сердца, чем от разума, а сам в это время молниеносными, точными движениями включал приборы, поля высшей защиты, изготавливал дельта-ловушку и следил за отсчетом расстояний на экране. Биолог почувствовал, как все сильнее начинает колотиться сердце...

— Могу я вам помочь? — спросил он.

— А? Ну, сядьте к контрольному пульту, включите... Снизу, снизу берется за эту рукоятку, а не сверху! — неожиданно яростно выкрикнул Кленов.

Игорь что-то пробормотал, но Кленов его уже не слышал. И, наверное, не только потому, что все внимание его заняли приборы, но и потому еще, что для него сейчас ничего не осталось во всей бесконечной Вселенной, кроме Журавлей, кроме этого темного треугольничка на экране дельта-комбайна. Не спуская с него глаз, он на ощупь безошибочно находил нужные клавиши, кнопки и рукоятки, нажимал, вращал, переключивал их. Казалось, у него сразу стало втрое больше рук — и это несмотря на то, что всю основную работу проделали автоматы.

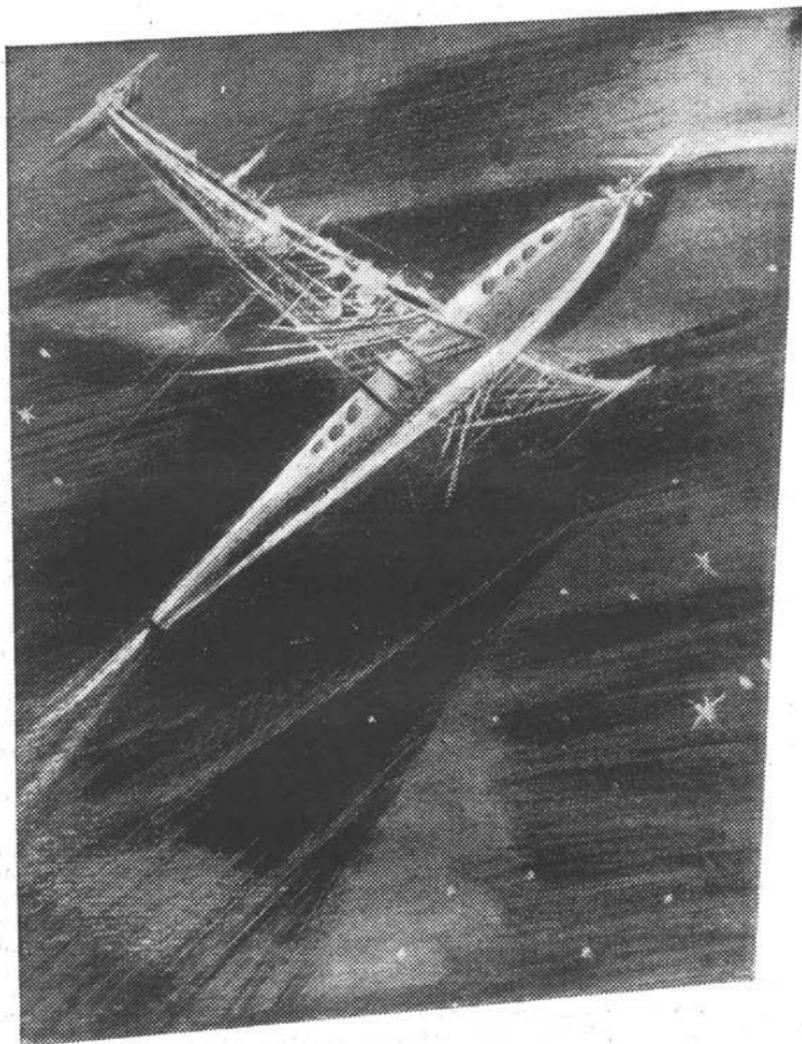
Только тут биолог понял, какой сложной на самом деле была задача, которую Старейший называл просто и даже как бы пренебрежительно — «ловля Журавлей», и какой силой разума надо было обладать, чтобы вообще сделать такую охоту возможной. Эта мысль заставила его удивиться тому, что еще несколько минут назад он свободно разговаривал с человеком, придумавшим все это, и не только разговаривал, но и в мыслях называл его подчас довольно-таки непочтительно... Он успел удивиться собственной смелости и нахальству. Но вслед за тем сообразил, что сейчас будут включены дельта-генераторы, и, следовательно, у него есть возможность дать один пучок своей микрофлоре, то есть продолжать выполнять задачу, из-за которой он и пошел в этот полет. И еще он подумал, что Старейший в такой миг занимался бы именно главным своим делом, иначе он никогда не стал бы Старейшим.

И поэтому Игорь, включив на всякий случай контроль энергоцентрали, отошел к своим приборам, которые давно уже ждали его прикосновения, и к своим культурам, заключенным в пробирки и чашки. Их следовало подвергнуть облучению, и поэтому они находились за бортом, он мог видеть их только на экране видеоприемника и только по приборам судить об изменениях. Но он уже привык выключать из сознания посредников и воспринимать все показания приборов так, словно это он сам ощущал все происходящее своими пятью чувствами.

Старик же, не обращая на него внимания, тоже как бы весь проник за преграду экрана дельта-комбайна и тоже как будто своими глазами видел, как все ближе и ближе продвигался клин — впрочем, на стереоэкране видно было, что на самом деле это был не клин, а конус, — как приближались Черные Журавли.

Единственный раз он обернулся, чтобы прокричать что-то о везении: Журавли шли пересекающимся курсом, и достаточно было лишь отрегулировать скорость, не надо было затормаживаться для изменения направления полета, потому что на такой скорости, на какой шел корабль, всякий поворот означал бы гибель. Он прокричал о везении, а экран показал, что Журавли приблизились на нужное расстояние. И тогда Кленов всей ладонью нажал на широкую красную кнопку и выбросил вперед (корабль отозвался на это легким содроганием) сгусток дельта-поля — то, что называлось дельта-ловушкой, антеннами которой были кружевные конструкции, — крылья летучей рыбы. Поле должно было нейтрализовать действие дельта-поля Журавлей, заставить хотя бы одного из них потерять скорость и остановиться поблизости от корабля. На создание этого поля шла сейчас вся энергия реактора, переключенного на питание дельта-генераторов, и корабль летел без ускорения. Впрочем, скорость его была лишь немногим меньше скорости журавлиного клина.

Игорь все же не выдержал, он бросил свои приборы, которые могли поработать и без его участия, и во все глаза глядел то на экран, то на старика. Шли решающие минуты.

Клин, уже распавшийся на экране дельтавизора на мелкие точки, надвигался все ближе, и по скачке стрелок и уровней на вспыхивающих и угасающих шкалах видно было, что дельта-поле ловушки уже вступило во взаимодействие с полем журавлиной стаи. Кленов, держа руки на пульте управления ловушкой, все не мог оторвать взора от экрана, седые волосы его торчали, а стрелки клонились все правее и правее. И юноша про себя горячо пожелал, чтобы Старейшему не пришлось пережить еще одно разочарование.

Стрелкам оставалось пройти еще четверть шкалы, чтобы

показать, наконец, такое ослабление поля Журавлей и уменьшение их скорости, которое значило бы, что энергия их движения безвозвратно потеряна. И стрелки двинулись в эту последнюю четверть, а взгляды двух человек в рубке словно бы подгоняли их. Но, видимо, этой поддержки было недостаточно: движение стрелок становилось все медленнее, все труднее становилось им проходить каждый следующий миллиметр шкалы. Кленов повернул регулятор усиления, отдавая ловушке последние мощности, а Игорь, чуть поколебавшись, выключил свои приборы, хотя они забирали очень мало. Стрелки чуть двинулись правее, и оба облегченно вздохнули.

И сразу же вслед за этим начались события, совсем уже непонятные.

Стрелки какое-то мгновение поколебались на месте, как бы раздумывая, идти ли и дальше в ту сторону, в которую, казалось, толкало их напряжение людских взглядов. И, наконец, решили — стремительно ринулись, промелькнули в прыжке в обратную сторону, к нулевым ограничителям. Одновременно другие приборы показали, что поле ловушки внезапно увеличило напряженность, как если бы вдруг исчезла та сила, которая ему сопротивлялась.

Это было необъяснимо, и Старейший торопливо повернул регулятор, уменьшая напряжение и приводя его к нормальному. Игорь же перевел взгляд на экран, указывавший расстояние до Журавлей, и внезапно нечленораздельным криком заставил и Кленова оторваться от разграфленных шкал. Он тоже взглянул на экран и мгновенно понял, что произошло: скорость сближения Журавлей с кораблем стремительно уменьшалась.

Он машинально взглянул на указатель хода; не могло ведь быть, чтобы его корабль самопроизвольно увеличил скорость и стал уходить от Журавлей. Нет, конечно, этого не случилось, и указатели хода подтвердили это.

Но тогда — и это одновременно поняли и старик и юноша, тоже бросивший взгляд на указатель скорости, — тогда оставалось только одно: предположить, что ход замедлили Журавли. Замедлили быстрее и на большую величину, чем можно было ожидать. Ловушка не могла затормозить их до такой степени, других же объяснений и вовсе не могло быть.

Они посмотрели друг на друга, и Старейший недоуменно поднял брови, словно бы не только удивлялся, но и просил совета, просил объяснить ему, что заставило события перевалить через грань разумного, а законы физики перестать быть законами физики в этом участке пространства. Игорь остро пожалел, что никак не мог ответить ему на этот вопрос: небесное тело, из чего бы оно там ни состояло, не могло самопроизвольно менять направление движения, да еще и его скорость. А тут...

Действительно, словно изменения скорости было недостаточно, журавлиный конус решил изменить еще и направление. На экране было ясно видно, как секунда за секундой конус отклонялся от прямой. Нет, безусловно, это были

неполадки в дельтави́зоре — Журавли каким-то образом, не смотря на защиту, подействовали на него, и приборы начали давать сведения, не соответствующие действительности. Значит, на них нельзя было полагаться, а на что же можно? На защитные поля можно ли еще?

Кленов успел подумать, что, будь он один, не колеблясь, повел бы корабль на сближение, повернул бы, рискуя переступить грань запретных ускорений — и пусть все летит к чертям! Но с ним был этот биолог, этот мальчик, рекомендованный ему институтом — там полагали, что это будущее светило, — и riskовать жизнью мальчика он не мог, даже если рушилось дело всей его жизни. Тем более что мальчуган был хороший, готовый на помощь, и даже в сумасшедшие секунды было приятно взглянуть в чьи-то глаза. Но если у тебя одна цель, то и разочарование будет десятикратным...

Так он думал, а рука его инстинктивно вытянулась и легла на пульт, точно на клавишу торможения, чтобы оторваться, отстать от опасности, что несли с собой Журавли. Все же он еще раз взглянул на экран. Все было правильно, самое время тормозиться: комбайн врал уже сверх всяких норм. Кли́н, по его данным, изогнувшись, отклонился от прямой и теперь опять выходил на прежний курс, но уже на ином, более далеком расстоянии. Старейший растянул губы в бессознательном оскале, и рука его дрогнула перед тем, как надавить клавишу.

И в это время твердые пальцы юноши перехватили его кисть и не позволили сделать движение. Кленов гневно взглянул на спутника. Стоя рядом с ним, биолог, перегнувшись, держал другую руку на лимбе регулировки контрольной группы, следившей за исправностью самих приборов; держал — и странная улыбка играла на его губах.

— Включаю торможение! — прохрипел Кленов. — Я не могу riskовать... из-за вас.

Юноша на миг посмотрел ему в глаза.

— Нет! — сказал он кратко. — Идите на сближение...

— Приборы...

— Они в порядке. Вы же приказали мне следить за контролем, я вам докладываю. Вам непонятно? Да скорей же!..

Тогда Кленов перенес руку правее, начал легко трогать сухими пальцами клавиши управления двигателем и рулями. Приборы честно показали, что реактор, отключившись от питания ловушки, вновь отдавал энергию кораблю. Ловушка исчезла, зато конус снова заскользил к оси экрана, и расстояние стало заметно сокращаться.

— Опоздаем... — одним дыханием сказал биолог.

— Нет, — усмехнулся Старейший.

Он усмехнулся, хотя губы его еще чуть дрожали, — усмехнулся потому, что имел на это право: в вождении корабля он мог показать класс не только какому-нибудь биологу.

...Они не опоздали. Они пришли в точку встречи как раз вовремя, чтобы увидеть, как пролетают Журавли.

Странные полотнища, видимые в бьющем на тысячи километров луче дельта-комбайна, в мертвом безмолвнии межзвездного пространства скользили мимо корабля. Они шли безупречным конусом, намного точнее, чем летали земные журавли. И странным и призрачным казался их полет застывшим возле видеоэкранов людям. Пролет каждого Журавля продолжался мгновенье — корабль шел параллельным курсом, лишь немного отставая от клина, — и за это мгновенье приборы корабля улавливали нарастание дельта-поля при приближении каждого полотнища, затем его мгновенное уменьшение и снова нарастание до максимальной величины, намного больше первой, стремительное падение до нуля — и все начиналось сначала.

Они пролетали мимо — Журавли, за которыми старик охотился так долго и которых видел, судя по статистике предшествовавших случаев, пожалуй, последний раз в жизни. Последняя возможность выполнить свою задачу ускользала от него вместе с этими черными полотнищами... Но он еще не был бессилён.

Он был еще очень силен, потому что человек, искавший и нашедший, всегда бывает неизмеримо сильнее тех препятствий, которые могут встать на его пути. Потому что первое осторожное прикосновение к новому и неизвестному служит только разведкой перед тем, как это неизвестное будет схвачено уверенной хваткой разума теоретика и рук экспериментатора, а Старейший был и тем и другим. А если ему понадобились бы не две, а четыре руки, то другие две — он внезапно почувствовал это — находились здесь, рядом, готовые вовремя перехватить рычаги. Он был еще очень силен и потому, что энергоцентрality продолжала работать, а каждый следующий Журавль пролетал все ближе — это был конус, а не цилиндр, — и надо было только повторить операцию отключения корабля и включения генераторов, чтобы снова забросить дельта-поле. Игорь мгновенно понял этот замысел: не сумев поймать Журавлей в заранее расставленную сеть, Старейший хотел теперь накинуть ее на одного из них в тот момент, когда Журавли будут пролетать поблизости от корабля. Биолог протянул было руку, но какая-то мысль пришла ему в голову — рука повисла в воздухе, и только подобие улыбки мелькнуло на губах.

Стрелки приборов снова дрогнули, когда мощный ступок дельта-поля был выброшен излучателями корабля. И снова двое приникли к экрану.

Невидимая и тем не менее материальная сеть устремилась как раз в промежуток между двумя Журавлями — и задний из них неминуемо должен был запутаться в ее мощных силовых линиях. И в момент, когда Старейшему казалось, что это уже неизбежно, и он уже поднял было победно руку, когда юноша уже чуть присел, чтобы через секунду пуститься в дикий, никому не известный ликующий танец, — неожиданное произошло снова.

Черное полотнище внезапно изогнулось и рванулось в сторону. И ничем нельзя было объяснить этот стремитель-

ный рывок, уведший его из зоны действия ловушки, когда он еще не вошел в соприкосновение с ней. Кленов не собирался признавать себя побежденным, но следующий Журавль отвернул, еще и не дойдя до места предыдущего, а следующий — еще раньше. И сколько старик ни колдовал, давая усиление, меняя фокусировку, применяя множество ухищрений, мгновенно придумать которые мог он один, — ничего не помогло, и вскоре последний Журавль скользнул мимо корабля, чтобы, замыкая строй, со все возрастающей скоростью скрыться в черноте пространства.

Так это выглядело на экране, и именно так это увидел Игорь. Но старику показалось, что последнее ускользавшее черное пологнище дрогнуло, на миг замерло — и рванулось к нему, окутывая его непроницаемой, тяжелой и душной чернотой.

* * *

— Ну, как вы? — спросил Игорь.

Кленов пошевелился и что-то пробормотал.

— Все в порядке, — сказал Игорь. — Лежите спокойно.

— Курс, курс?

— Завтра скорость упадет до безопасной. Повернем домой.

— А Журавли?

— Они далеко... — Игорь задумался и повторил: — Далеко...

Старейший без звука откинулся на узкое ложе. Губы его зашевелились, и биолог наклонился к нему, чтобы слышать.

— Жизнь...

— Не беспокойтесь, — сказал Игорь. — Никакой опасности. Просто нервное переутомление. Вы слишком много летали. В вашем возрасте...

Губы Кленова искривились в усмешке.

— Люди умирают не от возраста, — повторил он высказанную раньше мысль. — Главное — разочарования. Я их пережил немало. И это — последнее...

Он на миг умолил, и юноша, воспользовавшись паузой, вставил:

— Ну, относительно этого можно спорить...

— Вся жизнь в последние годы, — негромко сказал Кленов. — И все зря...

— Почему зря?

— Они ушли. — Старейший вдруг приподнялся на локте и резко спросил: — Или нет? Отвечайте!

— Они ушли, — согласился Игорь. — Но не совсем. Кое-что осталось.

— Снова записи, ленты... Этого у меня и так было много. Не этого я хотел.

— Чего же?

— Разгадать их. Но для этого мне был нужен хоть один Журавль. Хоть один!..

Юноша подумал, что старик, лежащий перед ним, — великий старик. Легенды говорили о нем — молодом, могу-

чем, добывающемся. Он стар, он слаб и потерпел поражение. Чего он хочет, отдыха? Журавля... Того журавля, что в небе — как говорили когда-то... Захотим ли все мы журавлей, потерпев последнее поражение, или, хотя бы думая, что мы его потерпели?

— Не обязательно поймать Журавля, — сказал он, но Старейший не слушал.

— Столько лет!.. — говорил он как бы про себя. — Сколько я мог бы сконструировать кораблей!.. Провести экспедиций. Основать колоний... Ведь я прожил много лет. Этого он мог и не говорить — теперь это было видно. От бодрости и молодости Кленова словно не осталось и следа: теперь это был действительно старик, не только старый капитан, но просто старик.

— Но ведь вы достигли цели! — сказал биолог.

Что-то в его голосе заставило старика внимательно взглянуть в глаза юноши, и в глазах этих он увидел нечто заставившее его сказать новым, чистым и требовательным голосом:

— Говорите!

— Вы хотели узнать новое о Журавлях?

— Глупый вопрос! — Это прозвучало раздраженно, и юноша обрадовался тому, что старый космонавт, видимо, снова обретал форму. — Надо мной многие смеялись, меня называли охотником за привидениями, уверяли, что мне ничего не удастся поймать. И я не поймал...

— И в этом именно и заключается ваша победа, — сказал Игорь.

— Я не люблю загадок, — огрызнулся старик. — И, если можете, не устраивайте здесь сеанса гипнотерапии. Я еще не умираю и, смею заверить, сделаю это не так скоро. Ничего не потеряно. Никаких пустячных утешений, да. Итак, я победил. Как именно? Ну?

— Подумайте! — сказал юноша. — Ведь это Черные Журавли Вселенной!

— Ну и что?

— Ведь они живые — эти ваши Журавли...

Старейший выпрямился. В рубке царил покой, привычные кривые скользили по экранам, высокое пение приборов внезапно стало слышным.

— Живые?.. — изумленно прошептал он.

— Да! Никто, кроме живых существ, не может произвольно менять скорость и направление полета. А они сделали и то и другое.

Старейший опустил голову, провел ладонью по лбу. Лоб был мокр от пота.

— Мало того! — продолжал Игорь. — Помните, как они шарахались от вашей ловушки? Это не поле отталкивало их — они уклонялись сами. Они сообщали друг другу! Вы говорили, что уже пытались ловить их этим способом? Ну, тогда?

Кленов кивнул.

— Ну, вот. Они знают, понимаете, знают этот способ! Вы научили их...

— Живые... Это не укладывается в голове.

Биолог усмехнулся.

— Надо уложить.

— Но... как же они живут? Где?

— Здесь! — сказал биолог. — В пространстве. Почему вы все думаете, что жизнь возможна только на планетах? Разве само пространство не может быть обиталищем живых существ?

— Межзвездное пространство — обитель жизни? Но кто слышал об этом?

— И это говорите вы? А кто до вас слышал о Черных Журавлях Вселенной?

— Как же они питаются? Чем?

— Очевидно, энергией, — сказал юноша, мягко нажав на плечи старика и заставляя его вновь опуститься на ложе. — Очевидно, лучистой энергией. Поэтому у них максимальная площадь при данном объеме. Поэтому они так любят Новые: там они получают максимум энергии.

— А передвижение?

— Вы лучше меня знаете, что только ракета может передвигаться в пространстве. Они излучают, очевидно, кванты дельта-поля. Вы знаете, что это — тяжелые кванты. Попав в это поле, и взорвался, очевидно, корабль... Поле идет и впереди них: они обладают чем-то вроде естественных локомотивов. Кстати, этим, возможно, и объясняется их строй конуса: при таком строе ни один из них не попадает в выхлоп другого и не мешает локации.

— А размножение?

— Вы спрашиваете у меня слишком много, — сказал Игорь. — Мы не знаем, как они рождаются, как умирают. Но и это узнаем — со временем. А пока ясно одно: Черные Журавли Вселенной — это жизнь. Доселе нам неизвестная жизнь. Какая еще вам нужна победа?

— Но тогда это враждебная нам жизнь?

— Почему? Вы сами говорили, что теперь корабли обладают мощной защитой. Хотя бы наш...

— Наш... Кстати, как вам удалось прийти к этим выводам? Вы знаете куда больше, чем мне казалось.

— Сидение в одной рубке с вами не проходит даром, — сказал Игорь. — А эти три дня я ломал голову. Помогли ваши записи. Они...

— Ну, ну... Но, во всяком случае, Журавли бесполезны, мальчик. А раз так...

— Это живые существа, — возразил Игорь. — Помните, вы говорили насчет Новых?

— Ну?

— Там, куда они летят, тоже вспыхнет Новая. Если бы там, в том районе, была колония, мы бы смогли подать сигнал. Трагедия Коринтеры не повторится, Старейший!..

Отстранив биолога, Кленов медленно поднялся. Осторожно ступая, прошел по рубке и опустился в кресло за пультом. Руки его дрожали.

— Пусть жизнь эта и будет памятником вашему другу, — мягко сказал юноша. — Жизнь не только Журав-

лей. Жизнь тех тысяч колонистов, которых можно будет спасти за много грядущих столетий. Ведь теперь понадобится только заметить их, установить направление — и подать сигнал...

— Жизнь... — сказал Старейший. — Как все это странно и необычно! Хотя правда — ведь и гипотезы бывают друзьями, и с ними тоже жаль расставаться. Кстати, это значит, что в спектрах Новых — вернее, будущих Новых, есть особенности, которые улавливаются Журавлями. Иного пути информации быть не может. Интересно... Над этим стоит подумать!..

Игорь улыбнулся и промолчал.

— Да, — проронил Старейший после паузы, — вы сделали громадное открытие. Жизнь в пространстве... За гибель моего друга отомстили именно вы. А ведь вы искали совсем другое...

— И вы искали совсем другое. А нашли мы вместе...

— У них дьявольское чутье, — сказал Старейший. — И какие-то дикие способы общаться между собою. Не одна же стая их на свете! Какая бездна нового! Впрочем, то, что вы говорите, — это тоже пока еще только гипотеза. И все. Одна из...

— Разумеется. На самом деле может быть и совсем другое объяснение. Люди все узнают, — ответил юноша.

— А я теперь даже не знаю, что мне делать.

— Как же так? Кто же будет изучать их?

— Вы. И многие другие.

— Старейший, тут необходим ваш опыт! По сути дела, ваша цель не изменится. Все те же Журавли... А сейчас — домой. Вам надо отдохнуть. А я еще хочу увидеть и простых журавлей, земных.

— Сколько я лежал? — спросил Кленов.

— Почти трое суток.

— Вот как... Насколько я помню, вы сами запросились на мой корабль?

— Да... — сказал юноша растерянно. — Но...

— Никаких «но»! — сказал старик. И это был снова прежний Кленов. — С земными журавлями вам придется подождать, мой мальчик...

— Что вы хотите?

— Моя скорость — на двадцать тысяч в секунду больше, — победоносно произнес Кленов. — Направление известно... Земные не уйдут. А мы с вами еще раз посмотрим на Черных Журавлей Вселенной...

